

Последнее дело Петровича

Вышли в свет два новых романа Бориса Акунина

Борис Акунин перевыполняет план: вместо заявленного одного романа про Эраста Фандорина он выпустил два, причем одновременно. «Любовница смерти» и «Любовник смерти» — дилогия внутри фандоринской серии и, пожалуй, первая работа Акунина, для которой у большинства критиков не найдется доброго слова, а найдется много злых. Впрочем, на рейтинге продаж это последнее обстоятельство вряд ли скажется, и слава богу.

Известия. - 2001. - 9 июля. - с. 6

Роман ВОЛОБУЕВ

Акунин сознательно и добровольно выбрал себе амплуа литературного негодяя, потрошителя изящной словесности, опасного маньяка и декоратора земли русской, лукавого акунина, сидящего в своей скрытой крепости с лаптопом на коленках и делающего недоброе. В таком злодейском качестве ему можно было почти все: тягать сюжетные конструкции у А. Кристи и П. Акройда и населять их персонажами со святыми для нескольких поколений читающей публики именами-отчествами; убивать кувалдой малых щенят и славных ручных ужигов, купленных за 8 коп. на рынке; лишать невинности великих княжон и взрывать юных барышень динамитом. Акунину нельзя было лишь одного: проявлять слабость. Негодяю положено быть ловким, изящным, неуязвимым и удачливым, и в ту минуту, когда он оступается, бутафорская борода едет набок, а во взгляде обнаруживается растерянность, читающая публика тотчас вспоминает о моральных принципах, светлом долге русского литератора и презренной низости коммерческой литературы. Акунин не то чтобы оступился, скорее замешкался, но все равно получит по полной. И не потому вовсе, что две новые книжки про Фандорина — плохие. Книжки хорошие.

«Любовница смерти» — это давно обещанный декадентский детектив, который Акунин написал, забраковал, переделал

и которым даже в окончательном варианте остался недоволен. «Любовник Смерти» — бонус, детектив о сиротке-мизерабле диккенсовского толка, дописанный не столько в доверок, сколько в противовес «Любовнице». Как и в случае с «Последним из Романов», оба названия набраны прописными, чтоб читатель лишний раз обманулся и помучался, разбираясь, в котором случае смерть это смерть, а в котором — некая особа, по ряду причин носящая такое неприятное имя. Действия обоих романов случаются параллельно, и персонажи из первого регулярно отражаются в витринах второго и наоборот.

Фандорин в обоих романах появляется по частям, как Годзилла: в четвертой главе — плечо и седой висок, потом, еще через полсотни страниц, — вид анфас и несколько реплик, а центральным персонажем он становится, что твой Ганнибал, лишь на исходе второй трети книжки. Автор отобрал у него фамилию (а в «Любовнице» и имя-отчество тоже), а любимый «герсталь» заставил уронить в бездонный колодезь. Если так пойдет дальше, то в следующей книге наш герой сбросит усы, закрасит седину, излечится от заикания по методу К-к-котова, а передвигаться будет исключительно на инвалидном кресле.

Впрочем, не в усах дело и не в пистолете. Усы отрастут, «герсталь» новый в Брюсселе закажем. Главная беда в том, что Эрасту Петровичу на сей раз не удастся расплести детективную интригу, с которой совладал бы

В следующем романе Фандорин опять станет главным

Борис Акунин: «Все романы фандоринского цикла делятся на два типа: те, в которых Фандорин находится в центре повествования (например, «Азазель» или «Смерть Ахиллеса»), и те, в которых мы видим Э.П. глазами других персонажей. Таким образом, разнообразие ограничено. В «Любовниках» Эраст Петрович на периферии; в следующем романе будет в центре».

даже среднего ума литературный критик. Поражения у Э.П. случались и прежде, но никогда еще виной им не были его собственное тугодумие и возмутительная, непростительная доверчивость. Собственно говоря, бонус про сиротку явно писан с единственной целью — объяснить, отчего дивный гений сыска так позорно завалил дело о клубе самоубийц, порученное ему в главном романе. К тому же Фандорину нельзя в Москву. И не потому нельзя, что злопамятный содомит великий князь Симеон Александрович в тюрьму посадит за обиды, нанесенные в двух предыдущих романах. Просто нет больше акунинской Москвы, тесной, уютной, удобной, где генерал-губернатор — душа-человек и крепкий хозяйственник, а германские шпионы, старорежимные киллеры и маньяки-потрошители — элементы дизайна, не более. Акунин сам ее в «Статском советнике» разгромил, отдал на растерзание бомбистам и ажан-провокаторам, а в «Коронации» добил окончательно. Нет Москвы, и нечего там делать, Эраст Петрович, голубчик, в Питер езжайте, в Чикаго, в Йокогаму, в Заволжск, наконец, к сестре Пелагии, варенье яблочное кушать.